

6 КРУЗОБОР 76

Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма—было и остается одной из важнейших задач партии.

Из Отчета ЦК КПСС XXV съезду партии

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

К 35-летию героической обороны Брестской крепости «Кругозор» публикует фрагменты одного из последних радиовыступлений лауреата Ленинской премии Сергея Сергеевича Смирнова.

Иногда представляешь себе всю нашу огромную Родину во всем ее многотысячекилометровом протяжении — от Бреста до Сахалина и Курил, от Мурманска до пустынь Туркмении — и думаешь о том, что по всей этой земле разбросаны тысячи памятников, обелисков, братских могил и надгробий, и многие из них горят, по ветру развеваются вечные огни — символ постоянной памяти народа о подвигах героев Великой Отечественной войны.

Благодарность потомков предкам, младшего поколения старшему поколению — это один из важных столбов жизни человека вообще, без этого нельзя жить на земле.

Мы с вами часто повторяем такие слова, как «герои», «Родина». Особенно «Родина». Часто мы это произносим, походя, не испытывая при этом тех чувств и мыслей, которые это слово обязательно должно вызывать в уме и сердце человека, облекаясь для него в плоть и кровь — в его плоть и кровь.

Вот в этом отношении я всегда вспоминаю маленькую надпись на стене Брестской крепости. Она была найдена после войны в одном из казематов на штабной стене. Какой-то неизвестный защитник этой крепости, то ли штабком, то ли пулей, видимо в последнем изилии выцарапал всего несколько слов: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина». И стояла дата: «21 июля 1941 года», то есть спустя месяц после того, как началась оборона крепости.

Сначала я воспринимал эту надпись как обычную, но однажды задумался над ней и мне открылся ее удивительный смысл. Давайте попробуем с вами разобрать эту надпись, ну вот примерно так, как учительница скажет в школе разбирает предложение с учениками, только она разбирает с точки зрения грамматических категорий, а мы давайте попробуем разобрать эту фразу с точки зрения чувств и мыслей, которые в ней вложены.

Продолжение на стр. 11.

прощание со школой

РОДИНА ПОМНИТ

**Выпускные балы. Выпускные балы...
Все девчонки юны. Все девчонки белы.
А мальчишки, как князи,
И в петлице цветков.
Ах, не князь ли проказил,
Прерывая урок?
Выпускные балы. Выпускные балы...
Ах, как были глупы, ах, как были малы!
Вы простите нас, завуч
И учителя.
Повзрослели мы за ночь,
Как взрослеет земля.
Выпускные балы. Выпускные балы...
Возле школы берез засветились стволы.
В коридорах печальных,
Где надраен паркет,
Вальс кружится прощальный
Восемнадцати лет.**

Галина БЕЗРУКОВА

Фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского

По просьбам читателей

На звуковой странице —
музыка для школьного бала:
«Песня о волшебной стране»,
«Менуэт» и «Летка-енка»
(Е. Адлер, Л. Дымова).
Поют В. Толкунова,
В. Никулин и М. Лукач.

СТАРТЫ ПЯТИЛЕТКИ

КОМАНДИРОВКА К ЗВЕЗДАМ

На центральном пульте светились зрачки приборов, щелкали клавиши: менялись длинные ряды цифр, в электронный мозг телескопа вводились координаты звезд. Мягко вращался тысячетонный купол, и в нужную точку послушно приходило шестиметровое зеркальное око телескопа...

И великие и малые астрономические открытия, как я убедился, делаются в тулупе и валенках. Без теплой одежды в кабине первичного фокуса телескопа не усидеть и полчаса. А работать там приходится все звездное время. Ясные ночи пронзительно зябки. Когда «изъездишь» пол-Вселенной, к утру выходишь из кабины с застывшей от холода улыбкой.

Кабину астрономы называют по-своему — «стаканом». Черный цилиндр его укреплен в верхнем кольце телескопа. Смотришь снизу — он висит под самым куполом, в небе. Поднимешься в «стакане» к зениту — закружится с непривычки голова, будто заглянул в колодезь, не имеющий дна.

Большой Зеленчукский телескоп даже как-то неловко называть инструментом, прибором. Бесспорно, это прежде всего гигантское сооружение. В каждой из его деталей, и

большой и самой малой, сделанных с величайшим изощрением, по самому высокому классу точности, сплывались труд, энергия, мысли тысяч людей — конструкторов, инженеров, рабочих. Знакомая с этой прекрасной машиной, понимаешь — творческие возможности нашей науки и промышленности безграничны.

...Молодой астроном Юрий Балега пригласил меня на дежурство. Светящиеся снегами горы. Пустые, без света фонари вдоль дороги. И наши громкие шаги. И в стылom воздухе на вершине горы Семиродники — купол. И желтая звезда Бетельгейзе над бездной ущелья.

Лифт поднял нас на высоту четвертого этажа, и в черный провал купола хлынул неслышный свет звезд. И чудо-цветок, распускающийся под звездным светом: раскрылись металлические лестницы, небо опрокинулось в ладонь зеркала, и тихо сошлись лучи в одну точку.

Ни огонька под куполом. Юрий Балега водил меня за руку. С верхней галереи — на нижнюю, на площадку телескопа. Поднимались в лифтах на балконы со спектрографами. Считали на ощупь ступени, пока не прогремел сердитый голос сверху: «Объект выходит из

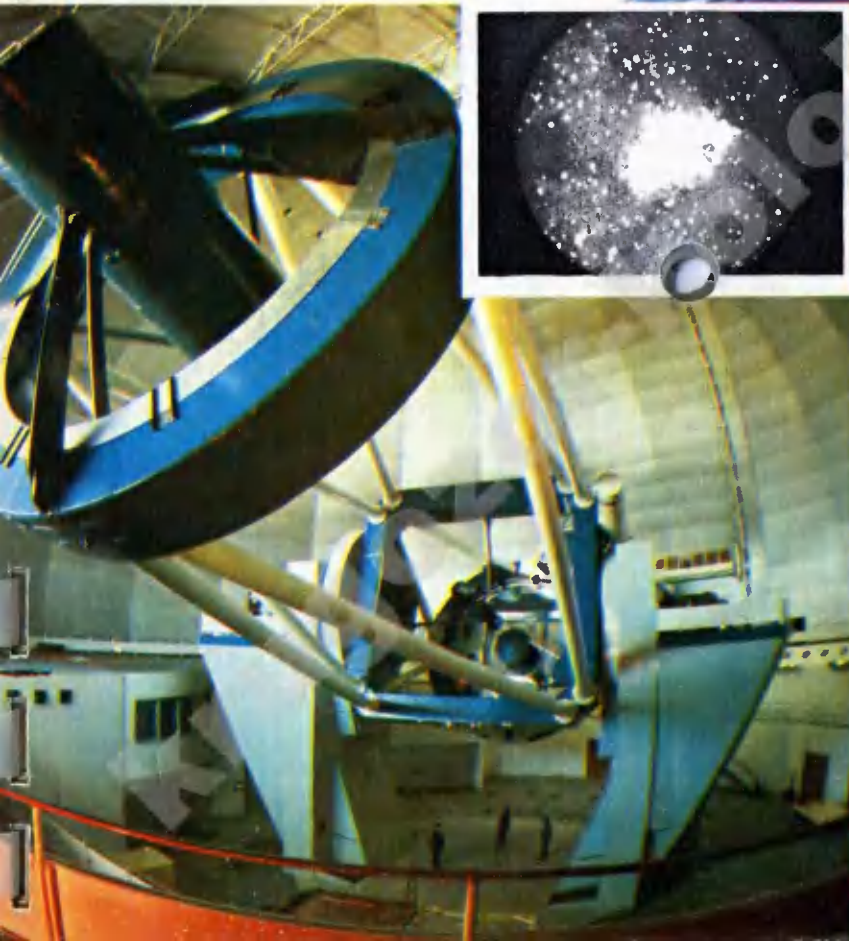
фокуса!» Громада телескопа как бы плавает на тончайшей масляной прокладке и чувствует малейшие толчки.

...Таяли одна за другой льдинки звезд в высоком небе, завершалась наша вахта, не отмеченная открытием. Пока еще изучаются возможности телескопа, познается его характер. Еще только начинаются творческие биографии его астрономов, средний возраст которых не больше тридцати.

— За последнюю четверть века, — сказал мне Игорь Караченцев, заведующий отделом внегалактических исследований, — почти две трети значительных астрономических открытий пришлось на долю знаменитого маунт-паломарского пятиметрового рефлектора. Но американцы, можно сказать, остановились на пороге многих тайн. Наш телескоп уникален. Ему нет равных в мире. Вот мы и надеемся шагнуть за тот порог.

Рассматриваю фотопластинку. Крабовидная гуманность M1, отстоящая от Земли на 4 тысячи световых лет. Один из первых снимков, сделанных на новом телескопе (фото в центре). Крошечный участок Вселенной в созвездии Тельца. Именно в этой точке неба,

Л. И. БРЕЖНЕВ:
Создание уникального
телескопа — крупное достижение
отечественной науки и техники.
Перед советскими учеными
открылись возможности
еще шире развернуть
научный поиск,
более глубоко проникнуть
в тайны Вселенной,
внести новый вклад
в сокровищницу познаний
человечества.

по свидетельству древней хроники 1054 года, «...появилась звезда... которая оставалась на небе более года» и блистала даже при ярком солнечном свете. Теперь же на снимке, усеянном, словно булавочные уколы, белыми точками звезд, белесое облако — все, что осталось от небесного тела. Летописцы видели свет уже умершей звезды.

Сегодня этот космический катаклизм, зафиксированный сверхчувствительным оком телескопа, изучают ученые. Они знают: лишь взгляды в пристально в небо, можно глубже познать Землю. В далеких мирах, разворачивающихся перед нами на огромном отрезке времени, — разгадка извечных тайн природы.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»
ст. Зеленчукская

У гигантского телескопа, рядом с которым едва различимы фигурки людей, необычно острое «зрение» — в миллиард раз чувствительнее человеческого глаза. О народнохозяйственном значении телескопа рассказывает первая звуковая страница.

Фото Л. Шерстенникова и автора

В мае 1931 года корреспондент одной американской газеты взял интервью у Томаса Алвы Эдисона.

— Мистер Эдисон, как вы расцениваете сенсационный слух о том, что русским удалось создать искусственный каучук?

Автор тысячи изобретений ответил коротко и категорично:

— Это чистойшей воды вымысел...

Томасу Эдисону, проживи он еще год, пришлось бы взять свои слова обратно. Ибо в 1932 году — четвертом, завершающем году первой пятилетки — появилось вот это газетное сообщение: «Ярославль. 7 июля. Крупная победа советских ученых и рабочих в городе на Волге. Здесь вошел в строй завод СК-1. Это первый в мире завод синтетического каучука...»

Невозможное оказалось возможным усилиями людей, приступивших к широкой индустриализации страны и осуществляющих ее вопреки стереотипным срокам и нормативам.

Ярославский завод был построен и смонтирован меньше чем за год. И когда на торжественном собрании, посвященном этому историческому событию, академик Сергей Васильевич Лебедев, создатель советского СК, поднял над головой золотистый пружинящий брус невиданного искусственного материала, зал разразился громом аплодисментов. В сотни рук аплодировали собравшиеся прославленному академику и молодым химикам-

Герой Социалистического Труда академик Б. А. ДОЛГОПЛОСК: Александр Жестков обладал тонким чувством слепопыта-исследователя, и я уверен, что, останься он в живых, из него вырос бы очень крупный ученый.

Лауреат Ленинской премии П. А. ВИНОГРАДОВ: Сейчас в нашей стране создана целая гамма синтетических каучуков. При создании некоторых из них немалую роль сыграли исследования Александра Ивановича Жесткова.

Бывший узник Офлага-53 Н. П. КОЛОБКОВ: В августе 1941 года после ожесточенных боев под Старой Руссой полк, в котором старший лейтенант Жестков возглавлял химическое подразделение, попал в окружение. Все попытки прорваться к своим оказались безуспешными...

исследователям Борису Долгоплову, Петру Виноградову, Александру Жесткову, отработавшим в заводских условиях технологический процесс производства синтетического каучука.

И вот 1976 год. Еще одно газетное сообщение. Чтобы прочитать его, не надо углубляться в подшивки. Оно опубликовано несколько месяцев назад — в первом году пятилетки десятой:

«Ярославль. 25 февраля. Открытие XXV съезда КПСС совпало с большим событием в жизни коллектива Ярославского завода синтетического каучука. За досрочное выполнение заданий девятой пятилетки первенец отечественной и мировой индустрии синтетического каучука награжден орденом Трудового Красного Знамени...»

С заслуженной наградой коллектив родного завода поздравил лауреат Ленинской премии Петр Андреевич Виноградов. Герой Социалистического Труда академик Борис Александрович Долгопоск тоже прислал приветственную телеграмму. А их соратник Александр Иванович Жестков?..

На митинге, состоявшемся на заводе, присутствовали только его дети — начальник цеха Юрий Александрович Жестков и лаборант Нина Александровна Жесткова (на нижнем фото).

О мужественной жизни молодого ученого Александра Жесткова вы узнаете, прослушав звуковую страницу.

Юрий ЧЕРНЯК
г. Ярославль

Фото Л. Лазарева и ТАСС

НЕВОЗМОЖНОЕ

ВОЗМОЖНО

26 июня—День свободы
Южной Африки

Барри ФЕЙНБЕРГ

НЕОЖИДАННЫЕ ПЕСНИ

В то время как
белые
по субботам и воскресеньям
на зеленых лужайках
медленно бродят, играя в гольф,
а в прочие дни недели
заняты с утра до вечера
увеличением своих золотых активов,
черные
по пути с работы,
и в стенах зловонных бараклов,
и, сгибаясь в золотоносных шахтах,
внезапно, врасплох для белых
начинают петь свои песни.

Освальд Дж. МТШАЛИ

ЛЮДИ В ЦЕПЯХ

Наш поезд встал
на захолустном полустанке.
Глазами, еще смазанными сном,
я всматриваюсь сквозь окно вагона,
покрытое узорами мороза,
и вижу шесть

больших мужских фигур,
лишенных всех достоинств человека:
обриты наголо,

как овцы после стрижки,
стоят на обжигающем ветру,
и кажется, что овцы тихо блеют:
«Прочь, прочь, холодный ветер,

уходи!
Ужели ты не видишь, что мы голы?»
Проковыляли босиком в вагон
наручники на стертых в кровь
запястьях,

и ноги скованы тяжелыми цепями
с большим кольцом,

как у скота на бойне;
пугливо озираются на двери—
так скот на бойне

смотрит в чрево люка,
разверстого в полу под их ногами.
Один из них—с огромной головой,

блестящей после стрижки,
как картошка,
шептал встающему из-за вагонов
солнцу,
что протирало красный глаз от сна
изодранными в клоchy облаками:
«О дорогое солнце! Неужели
ты сердце не согреешь мне
надеждой?»
Наш поезд тронулся,
разматывая путь свой в никуда.

А. Н. К. КУМАЛО

ЗАВЕРЕНИЯ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ¹

Министр юстиции Форстер—
улыбка-ниточка меж призрачных
губ—

говорит, что он посещает
свои тюрьмы регулярно,
как доктор своих пациентов,
и ему нечего прятать или скрывать.
Журналистов и членов парламента
он приглашает хозяйским жестом
совершить с ним по камерам
очередной обход.

Они могут
пощупать
пульс—

пожалуйста,
скосить глаз
на градусник—будьте любезны,
побеседовать—несомненно—

с самым здоровым узником,
вообще—

провести час там, где люди
проводят целые жизни.

И после этого дать

¹ Стихотворение написано в сентябре 1965 года, когда нынешний премьер-министр ЮАР Б. Форстер занимал пост министра юстиции.

что-либо в печать.
Клевета, ложные показания,
обвинения в оскорблении—
все, за что по закону—
тюремное заключение,
их не должно волновать.
Все, что нужно,
уверят присутствующих,
уже сказано в наших законах.
Сообщения,
не соответствующие параграфам,
не могут отразить
реального положения дел.
Действуя иначе, вы рискуете многим,
с вами поступят (резонно!)
весьма строго,

как с тремя
надзирателями-африканерами,
не совладавшими с языками
и нервами—
один под домашний арест посажен,
с двумя другими серьезнее даже:
в тюрьме у них будет время
для размышления—
связь с прессой—

достойное ли поведение?
..Министра юстиции все заверяют,
что господа о подобном

не помышляют.
Министр доволен обменом мнениями
и такого рода общими заверениями.

Деннис БРУТУС

ИЗГНАННИК

Изгнанник я, лишь небеса—
мой кров,

я—вечный, неприкаемый скиталец,
бродячий трубадур и постоялец
под крышами и хижин и дворцов.
Внимательность и нежность—

мой закон,
нет ничего важнее добра и чести,
и, чужд подобострастия и лести,
шагаю вдаль, в раздумья погружен,
но нет покоя пред лицом измен,
и слезы мое сердце рвут на части,
и за глазами, где царит бесстрашие,
мой мозг пронзает крик и вой сирен.

Стихи поэтов ЮАР перевел Ф. Бурташов

СОЛДАТСКИЙ

До начала атаки оставалась ночь. И хотя все было определено, отрегулировано, продумано и нанесено бессонными штабами на подробнейшие карты,— не спалось. Ни солдатам, ни их командирам. Слишком много было силы, упрямой здесь и застывшей до упругого слова-приказа: «Вперед!». Слишком много забот та сила требовала.

«Уважаемая Гюльча Калантарова! С удовлетворением сообщаем, что Ваш сын, рядовой Насиб Калантаров, с честью выполняет свой воинский долг. Во время многокилометрового марша в район учения «Кавказ» механик-водитель Калантаров в течение двух суток, невзирая на метель и мороз, без сна и отдыха расчищал от снежных завалов дорогу танковому полку...»

(Из письма командования Н-ской части.)

Нет, не сморил, не измотал солдат многокилометровый марш через горы. Маршем он назывался потому, что не нашлось более точного слова. Был же бросок, рывок — по скорости, по напря-

жению. И было истрачено на эти метры и версты столько сил, что впору иному настоящему сражению. И этот нелегкий и почетный ратный труд оказался по плечу тем, кто сегодня наследует и продолжает славу, выкованную и закаленную в пламени Великой Отечественной войны. И сейчас перед отцами в генеральских и маршальских звездах, стоящими на командной вышке, будут держать они, сыновья, свой солдатский экзамен.

«Дорогой отец! Вот я и получил боевое крещение. Чувствую себя настоящим солдатом. И не только я—все наши. Видел бы ты, как они «воевали»! Как шли в атаку! «Шли...»—это с такой-то техникой! Вам бы тогда такую. Видел бы ты, как она с ревом и грохотом буквально обрушивалась вниз, в долину, как сразу стала тесна эта долина. Видел бы, как сшиблись эти две лавины стали и огня—мы и «восточные»! Нетрудно было и растеряться в такой толчее. А вот не растерялись, каждый выполнил свою

задачу. Молодцы! Так что теперь, после «боя», я понимаю, как вам приходилось на фронте: почувствовал сам...»

(Из письма лейтенанта
Василия Емичева.)

Было волнующим ожидание той минуты, тех трудных часов, когда можно враз, в едином порыве выплеснуть всю силу, которую они накопили в себе за долгие часы занятий и тренировок. Когда можно показать отцам свою молодость, энергию, задор, свое умение, свое боевое мастерство...

«Здравствуй, дорогая Валечка! Скоро бой, мой первый настоящий бой на учении «Кавказ». Настроение... об этом не расскажешь, не напишешь—самому надо пережить, прочувствовать. Вот сейчас сидим в палатке, воеет пурга, потрескивает печка. А мы сидим, глядим на огонь, думаем, вспоминаем своих матерей, своих любимых... И ждем «боя».

(Из письма рядового
Александра Ялтыкова.)

ЭКЗАМЕН ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Сейчас, в последние минуты перед «боем», многие стремились в скупых, по-военному напряженных строках передать все то, что ощутили, быть может, впервые, но во что до конца поверили, лишь выдержав экзамен. «Юноши приходят в солдатскую семью, не имея жизненной школы,—говорил на XXV съезде партии Леонид Ильич Брежнев.—Но возвращаются они из армии уже людьми, прошедшими школу выдержки и дисциплины, получившими технические, профессиональные знания и политическую подготовку».

Через несколько минут—бой. Их первый серьезный бой.

Слушайте его, родители: так учатся солдатской науке ваши сыновья.

Слушайте, сверстники: завтра вы придете служить в Советскую Армию...

Анатолий МЕЛЬНИКОВ

Фото В. Грибова

На звуковой странице—репортаж с военных учений. Ведущий—фронтвик, старший сержант запаса, народный артист СССР А. Папанов.

Если собрать все фильмы его учеников, режиссеров и артистов, они сложатся во многие десятки километров киноплёнки. Да и наша память подобна киноплёнке, на которой отпечатываются время, события, люди, мысли...

Сейчас я буду «крутить» плёнку своей памяти назад и увижу себя дрожащим абитуриентом, поступающим во Всесоюзный государственный институт кинематографии в мастерскую народного артиста СССР, профессора Сергея Аполлинариевича Герасимова—С. А., как мы потом стали его называть.

Рядом со мной Вася Ордынский, Эдик Бочаров, Володя Попов, Лева Кулиджанов, Толя Бобровский, Володя Карасев, Шамиль Махмудбеков, Фахри Мустафаев, Глеб Комаровский и другие. Ах, какие мы еще прекрасно молодые и прекрасно художачные! Конкурс огромный! и жестокий, но мы, не думая о соперничестве, сообщаем друг другу, кого из писателей и композиторов следует любить, чтобы понравиться незнакомому нам Герасимову: русская литература—Толстой, Шолохов, Фадеев; западная—Стендаль, Мерииме; музыка—Бетховен, Скрябин и Шостакович, а еще—народные песни, частушки, а еще—старинные романы. Все сведения приблизительны...

За экзаменационным столом много народа. Кто из них Герасимов? Я увидел его впервые, но казалось, что дружен с ним давно. Он был восьмым в фильме «Семеро смелых», а вернее, он был в каждом из этих семи. А еще он строил Комсомольск! И Учителем с нелегкой судьбой был он, и в Арбенине из «Маскарада» жила изрядная доля Герасимова...

В тот день он дал нам свой первый урок. Тема—уважение к собеседнику.

Между делом разглядываю его. Усы—так и я на фронте носил такие же! Сильные руки—люблю сильных! Веселые глаза—люблю веселых! Старше меня всего на семнадцать. Правда, лысый... Ну, что ж, бывает... Ладно, главное, что волнуется и болеет почему-то именно за меня, и поэтому вопросы не сухие, формальные, а про то, что волнует: про мою жизнь, про друзей, живых и погибших...

Сергей ГЕРАСИМОВ, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии: Роман «Красное и черное» имеет огромное значение в формировании каждого мыслящего человека. Я пользовался романом Стендаля в течение всей педагогической практики, начиная с ленинградской мастерской и включая 32 года во ВГИКе.

Выход пятисерийного издания «Красного и черного» для телевидения можно считать естественным завершением этой работы. Тем не менее если я буду продолжать педагогическую практику в институте, то и со следующими поколениями учеников буду обращаться к «Красному и черному» как к энциклопедии человеческих страстей, ситуаций, драматических коллизий.

УЧИТЕЛЬ

НА ДОЛГИЕ
ГОДЫ

Потом выяснилось, что всем казалось, будто С. А. болеет именно за него. Только приняли не всех...

И вот мы студенты, Герасимов—наш мастер. Он уже не кажется сверстником. Мудрый, выдержанный, ироничный... Но в конце второго курса мы впервые встретились и с его гневом. Один из нас, тогда еще очень зеленый, сказал:

— Вы, Сергей Аполлинариевич, рассказывали так художественно, что я не понял. Если можно, по-другому...

— По-другому не умею,—произнес побелевшими губами С. А.—Я надеялся, что говорю с художниками...

Оставал наш мастер, должно быть, полгода. Потом они помирились. Герасимов не перестал быть художником, а незадачливый в прошлом студент вырос в заслужен-

В творчестве Герасимова всегда много авторской улыбки, а в ответ—зрительской. Но нет в его фильмах лихого острословия, зрители улыбаются, узнавая жизнь, переданную художником «по-герасимовски» любовно и достоверно.

Конечно, не я один люблю С. А.—нас много. У него всего много. Есть у его искусства и противники, но значительно больше вылетело из-под его крыла учеников и последователей. И не только в кино.

А еще он великолепно готовит сибирские пельмени, играет на гитаре, боксирует, знает бездну стихов, может напеть партию любого инструмента в любимых симфонических произведениях, успевает читать почти все, профессионально знает живопись, сам рисует, любит скульптуру, сможет

ного артиста республики Николая Николаевича Рыбникова.

Мелькают годы на экране моей памяти: детство, фронтовая юность, Институт кинематографии,—а я все учусь у Сергея Аполлинариевича, и хочу учиться всю жизнь, и сдавать экзамены—ему, и чтоб хвалил—он.

Люблю в творчестве Герасимова субъективность. Да, да—партийную субъективность! Это только плохой оратор заявляет: «Буду объективным». Чуть! Это невозможно! Лишь пропущенное через собственную индивидуальность, обогащенное ею, глубоко субъективное, человеческое—лишь оно интересно, полезно и волнует зрителя! Герасимов учит нас доставлять зрителю радость узнавания окружающей жизни, интонаций, характеров, радость узнавания самого себя.

точно показать, как сидит в седле донской казак и как—яицкий, очень смешно и точно имитирует Ю. Олешу и А. Довженко и своих учеников.

Потому он и режиссёр, что любит уметь все это. Он смотрит на мир романтично, с фантазией и восторгом. Он хочет числиться в разряде суровых художников и однажды очень обиделся, когда его заподозрили в сентиментальности. А я сильно подозреваю его... в доброте. Просто в доброте. Так как только с доброты начинается настоящее искусство.

Я. СЕГЕЛЬ,

заслуженный деятель искусств РСФСР

На фотографиях и пятой звуковой странице—

С. А. Герасимов на съемках «Красного и черного».

Фото А. Лидова

РОДИНА ПОМНИТ

На третьей звуковой
странице,
подготовленной
В. Возчиковым, —
слово писателя
С. С. Смирнова
о подвигах
защитников
Бреста
и Лиепай
и фрагмент
его
документального
фильма-
интервью
с фронтовой
медсестрой
Екатериной
Деминой.

Начало на 2-й обложке

Вот посмотрите он начал со слова «я», с себя самого. Но ведь он не оставил своей подписи. Он не думал, чтобы его имя когда-нибудь дошло, может быть, до его родных и близких. Это «я» лишено всякой претензии на славу, потому что в этой крепости бой-то шел, как говорил Твардовский, «не ради славы — ради жизни на земле». И он не думал, этот солдат или командир — не знаю, кто он был, — он не думал, погибая, о том, чтобы оставить свое имя. Если хотите, он себя чувствовал человеческим кирпичиком в стене этой крепости, которая стала на пути врага, рвущегося в глубину страны, к Москве.

Дальше он написал: «Я умираю». Давайте задумаемся, сколько этому человеку было лет. 19? 20? 25? Это же был совсем молодой человек, у которого впереди была вся жизнь, у которого были свои планы, своя программа жизненная.

Он, вероятно, мечтал о том, что вот он отслужит в армии, придет домой, поступит учиться, будет работать. Он мечтал о том, что у него будет в жизни любовь, и, может быть, была у него любимая девушка, которая станет его женой. У него будет семья, дети, он совершит все, что положено совершить человеку на земле. И все это нужно зачеркнуть этими страшными словами — «я умираю», глядя в глаза смерти. Подумайте, как нелегко сказать молодому, полному жизни и сил, полному надежд человеку эти два слова.

Он написал дальше: «Умираю, но не сдаюсь». Опять-таки вчитайтесь несколько раз, и вы увидите, как с этими словами появляется другая интонация во фразе. Появляется интонация гордая, полная достоинства. Этот человек сообщает, что он умер, но не сдался, что он выполнил присягу солдата, он выполнил самый великий долг перед Родиной. Потому что самое большое, что может отдать человек своей Родине, — это свою жизнь.

И дальше он написал: «Прощай, Родина». Подумайте, он не написал: «Прощай, мама». Он написал «прощай» не своим детям, если они у него были, не своей жене, друзьям; он выбрал слово, которое в этот момент, видимо, было для него самым емким, самым большим — слово «Родина». В нем все: в нем была и его родная мать и его родное село или город, и все его родные, близкие, дорогие ему люди. И вся эта земля, на которой он родился, вырос и которую он так любил. Он взял слово «Родина», и, видимо, в этот момент в уме и сердце у него было столько чувств, столько мыслей о Родине и с такой силой он воспринимал ее, что другого слова ему в этот момент нельзя было написать и не надо было писать.

Вот я думаю, что нам с вами надо учиться и учить нашу молодежь именно такому восприятию слова «Родина», чтобы оно не сокращалось с языка бездумно, между прочим, а чтобы каждый раз оно приносило и в ум и в сердце человека вот эти чувства и мысли, хотя бы несколько похожие на то, что испытал тот неизвестный защитник Брестской крепости в последние минуты.

С. С. СМЕРНОВ
Рисунок В. Семенова

На эстраде — Франко Тринкале. Драматическую балладу сменяет шуточная песенка, лирическую канцонетту — едкие куплеты на злобу дня. И тут на сцену поднимаются полицейские. Они заставляют певца прекратить концерт: он якобы публично оскорбил стражей порядка. Речь шла о песне, в которой высмеивался некий полицейский чин, известный своими симпатиями к Муссолини. Более пяти лет продолжалось преследование артиста. Лишь в феврале нынешнего года судебное дело против него было прекращено.

Франко Тринкале принадлежит к числу тех, кого в Италии называют «контраутор», то есть исполнитель собственных песен. С именем артиста на афишах и в печати соседствует и другое определение — «фольклориста». Это словообразование, объединяющее два понятия — фольклорист и хроникер, — отражает, пожалуй, главное в творчестве певца — народность и публицистичность.

Уроженец Сицилии, Тринкале рассказывает в песнях о тяжелом труде своих земляков — батраков и шахтеров. Откликается он и на актуальные события международной жизни. Сам Тринкале говорит о своих песнях так:

— Их музыкальную основу составляют народные мелодии, которые, несомненно, ближе и понятнее тем, кому мои песни адресованы, простому люду, трудящимся. А слова я пишу на политические, социальные темы. Я хочу, чтобы, услышав такую песню, человек задумался. Например, об эксплуатации в современном капиталистическом обществе. И, задумавшись, сделал соответствующие выводы...

На звуковой странице «Кругозора» вы услышите три песни Франко Тринкале. «Баттиалья,

9 апреля» рассказывает о всеобщей забастовке и демонстрации в знак протеста против массовых увольнений в городке на юге Италии в 1969 году. «В людей стреляли только за то, — поет Тринкале, — что они защищали свое право на труд».

А вот иронически-грустная история под названием «Выселение»: «Я не уплатил за квартиру, и меня вызвали к хозяину дома. Оказалось, что это поп из нашего прихода. Он сказал: «Сын мой! Если ты нуждаешься в помощи, я поддержу тебя духовно. Но если не уплатишь за квартиру, велью тебя выселить».

Третья песня — «Черная лошадка» — посвящается Вильме Рудольф, негритянской спортсменке из США, победительнице Олимпийских игр в Риме. «...Беги, беги, черная лошадка! Эта золотая медаль будет твоей третьей высшей наградой. Но ты по-прежнему вернешься с ними в негритянское гетто».

В. ПРОСТАКОВ

ПЕСНИ — БОРЦЫ

ХРОНИКА ГНЕВА

СМЕХ В ЗАЛЕ

Наши любимые выразительные средства в кинокомедии — экцентрика, пародия, гротеск. Мы убеждены, что они дают возможность не только развлекать и веселить зрителя (что само по себе полезно), но и решать общественно важные сатирические задачи. Фильмы, которые мы сделали вместе

с Л. Гайдаем — «Операция «Ы», «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука», — именно экцентристами выразительными средствами борются с хулиганством, стяжательством и другими пережитками прошлого. Наш новый сценарий «Эстафета 4x100», который готовится снимать В. Азаров на «Мосфильме», состоит из четырех новелл. Все они с разных сторон наносят сатирические удары по отвратительному социальному злу — пьянству. Отрывок из одной новеллы мы и предлагаем вашему вниманию.

Я. КОСТЮКОВСКИЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

...Старик лесничий на лыжах вместе с лайкой преследует в лесу молодую лань. За плечом у него двустволка с оптическим прицелом.

Лесничий. Дура ты хворая! Тебя же в лечебницу хотят отвезти, а ты не даешься. (Собаке.) Ну, Дунай, что будем делать? (Собака зевает.) Да, Дунай, ты прав, придется ее усыпить...

Он снимает с плеча двустволку, вынимает из кармана куртки спецпатроны, заряжает оба ствола, стреляет, лань падает, но все-таки начинает отползать. Лесничий закладывает новый спецпатрон. Но лань уже неподвижна.

Лесничий. Эти новые патроны — сила. Уже засыпает.

...По шоссе идут «Жигули».

Ляля. Эдик, скоро уже?

Эдик. Да, теперь скоро. Вообще-то, Лялечка, не принято брать женщин на охоту. Но ради тебя я впервые в жизни делаю исключение.

Ляля. Все вы так говорите!..

Эдик. Святая правда. Клянусь здоровьем твоего мужа! Лесничий запрыгает лошадь, беседуя с собакой.

Лесничий. Дуня, не пугайся под ногами, я спешу (прячет свою двустволку в шкаф). Нашу спящую красавицу надо поскорее к ветеринару, и этих всех я видеть не хочу. На порог бы их не пустил.. (Собака рычит.) Легко тебе говорить «не пускаяй». Они с записками приезжают.

ОДНАЖДЫ НА ОХОТЕ

...По шоссе идет вторая машина — служебный «Москвич». На заднем сиденье два пассажира. Один из них — агент по снабжению по кличке Толкач. Другой — начальник отдела сбыта крупного предприятия.

Толкач. Места там, Михаил Юрьевич, чудесные. Просто сказки энского леса. Отдохните, поохотитесь.

Начсбыт. Так у меня, собственно, только фоторужье.

Толкач. Ну, тогда пофотоохотитесь. Птички-синички, типажи-пейзажи. Только сбыва: я не агент, вы не начальник. Я не снаб, вы не сбыт. Отдых на природе — и все!

Начсбыт. Принято единогласно!

...Спящая лань уже погружена на дровни. Лесничий смотрит с холма вниз, на свою избушку.

Лесничий. Как суббота, воскресенье — просто беда! Не охота, а сплошная пьянка. (Собака рычит.) Что значит «никогда, ни за что»? Иногда человек имеет право выпить. Но не больше нормы и по делу. Ну, допустим, у тебя, Дунай, день рождения. Или свадьба. Законно!

К избушке подъезжает такси. (Выходит Шеф.)

Лесничий. Пожалуйста, Шеф, явился, не запылится.

К крыльцу подкатывают «Жигули».

Лесничий. А вот еще один старый знакомый с новой знакомой. Каждый раз приезжает с женой, и каждый раз — с чужой. (Собака тявкает.) Не спорь, Дунай! Бабник он. В общем, никакие они не охотники. Для них охота.

когда выпить охота. О! А вот и Толкач привез нужного человека поить. Тыфу! Смотреть противно! Но-о! Поехали!

А в избушке каждый уже занят подготовкой к тому делу, ради которого он сюда приехал. Начсбыт в углу сортирует кассеты с пленкой. У стола Ляля режет колбасу. Эдик что-то шепчет ей на ухо. Толкач выгружает из рюкзака многочисленные бутылки и беседует с Шефом.

Толкач. Между прочим, Шеф... На той неделе мне понадобился твой грузовик.

Шеф. Не выйдет. Права отобрали. На ремонт перевели. Толкач. Плохо дело!

Шеф. Наоборот. От частичков отбоя нет. Каждая гайка—бутылка. Два раза молотком тюкнул—пятак... А это кто такой? (Указывает на Начсбыта.)

Толкач. У тебя клиенты—частники, а у меня—запчасти. Начальник сбыта одного предприятия. Возьмем его на горилку с перцем.

Шеф. Слушай, ты раньше столько не пил.

Толкач. Я жертва профессии. Хочешь что-нибудь подлупить, накрой стол. Выпьешь, и ты уже с ним «Вась-Вась».

Ляля. У нас готово.

Толкач. Ну, что ж, прошу всех за стол! По традиции начнем с «Охотничьей». Друзья, сегодня мы принимаем в нашу дружную семью нового члена, прекрасного человека. За знакомство, Михаил Юрьевич! (Все пьют.)

Эдик. Нельзя ли без тостов? Мы теряем зря время. Толкач. Нельзя! Выпивка без тостов—это пьянка. А пьянка с тостами—это уже мероприятие. Банкет.

Начсбыт. Выпьем, и я пойду снимать.

Эдик. Правильно, вы все поохотитесь, а мы с Лялей похлопочем по хозяйству. (Выпивают.)

Начсбыт. Больше я пить не буду. Хочу сделать фото—эту «Первый морозец».

Толкач. Простудитесь вы на этом первом морозце.

Эдик. Да не простудитесь он! Идите, идите!

Толкач. Нет, надо по третьей! Профилактически. Иначе нелепый грипп вырвет вас из наших рядов.

Начсбыт. Вы думаете?

Толкач. Конечно! Я предлагаю выпить за здоровье нашей единственной, но прекрасной дамы.

Ляля. Это надо же!

Толкач. Итак. (Поет фразу из «Травиаты») Налейте, налейте бокалы полней и выпьем, друзья, за любовь!..

Эдик. Друзья, друзья, вечер самодеятельности потом. Не отвескайтесь! Давайте так: выпили и разошлись.

Начсбыт. Ну, все! Я пошел снимать.

Толкач. Еще по одной на дорожку!

Начсбыт. Нет. (Незвердой походкой идет к вешалке.)

Шеф (Толкачу). Слушай, он уже в полужидком состоянии.

Толкач. Тем лучше. (Пошатываясь, подходит к Начсбыту.) Поснимаем, а вернемся, вы мне нарядик на запачкане подпишете. Такой ма-а-ленький нарядик. А за мной не заржавеет. Вы мне, я вам,

Начсбыт. Что? Какой еще нарядик?.. Ах, вот вы зачем меня сюда привезли?! Как вам не стыдно! А еще говорили: «Я не снаб, вы не сбмт!» Да за кого вы меня принимаете!.. У меня три месяца Краснодар ждет. Рига ждет. После них получите. В порядке живой очереди. Все!

Толкач. Михаил Юрьевич, вы меня не так поняли!

Начсбыт. Я вас прекрасно понял... Вы взяткодатель, но я не взятковзатель!

Эдик. Друзья, друзья, не ссорьтесь!.. Пойдите снимайте, остыньте!..

Ляля. Подождите! Сначала снимите нас на память.

Эдик (шипит). Этого еще мне не хватало. Аморалка с документальными кадрами!..

Шеф. Правильно! На вечную память.

...Начсбыт рассаживает всех в картинных позах. Головку Ляли кладет на плечо Эдика.

Эдик. Извините! Я причешусь. (За спиной Начсбыта незаметно берет с табуретки фоторужье и прячет в шкаф.)

Начсбыт. Ну, все готово! А где мое фоторужье?

Толкач. А его же Эдик зачем-то в шкаф положил!..

Начсбыт открывает шкаф и, не глядя, берет ружье. Спяну он не заметил, что взял двустолвку лесничего.

Начсбыт (глядя в окуляр). Не двигаться! Спокойно!

Отходит, выбирая фокусное расстояние, и настукает на огурец. Поскользнувшись, нажимает на курок. Выстрел—лампочка под потолком разлетается вдребезги.

Эдик. Бросьте, это не то ружье!

Начсбыт. Да нет, это просто фотовспышка. Снимаю!

Эдик. Ложись!

...На шнуре под потолком еще болтается патрон от разбитой пулей лампочки. Изба пуста. Только из-под тулупа, висящего на стене, торчат ноги Толкача. Лежащая на полу шкура медведя взгорбилась и заканчивается дамскими ножками в сапожках на платформе. Из-под стола, накрытого свисающей до пола скатертью, высовывается ботинок Шефа. В кадке с огурцами торчит голова Эдика с выпученными от страха глазами.

Начсбыт обходит горничю все еще с ружьем наперевес. За его спиной быстро подтягиваются вверх ноги Толкача. Медвежья шкура ползком движется к выходу. Начсбыт заглядывает в кадку, там никого, только уровень рассола повысился и со дна поднимаются пузырьки. Он пожимает плечами и направляется к входной двери.

В кадку снова возникает голова Эдика. В лавровых листьях и ветках укропа он похож на водяного.

Начсбыт открывает дверь в сени, и в это время тяжело шлепается на пол козгу. За ним висит, ухватившись руками за костыль и поджав ноги, перепуганный Толкач.

Начсбыт. Вася, а я тебя ищю! Ты ж хотел сфотографироваться.

Толкач (дрожа). Я и сейчас хочу. (Увидев, что Начсбыт поднимает ружье.) Только не сейчас!

Начсбыт (глядя в окуляр). Нет, сейчас!.. Сделаю тебя тринадцать на восемнадцать!..

Он спускает курок, раздается выстрел!..

К тридцатилетию Победы в Великой Отечественной войне Киргизский театр оперы и балета создал балет-ораторию «Материнское поле». Музыка Калыя Молдобасанова, либретто М. Ахунбаева и М. Баялинова. Постановка молодого балетмейстера У. Сарбагишева. Литературная основа произведения — одноименная повесть Чингиза Айтматова. Наш корреспондент В. Федоров попросил писателя прокомментировать спектакль.

Чингиз АЙТМАТОВ.
лауреат Ленинской премии

Жанр балета всегда был для меня несколько посторонним, не привлекал как литератора. Но вот уже второй раз в жизни я сталкиваюсь с ним на примере собственного творчества.

Впервые это произошло в Большом театре, где был поставлен балет «Асель» по повести «Тополек мой в красной косынке». И тогда я убедился, что не так уж далеко расстояние между различными видами искусства — между прозой и музыкой, прозой и балетом, в частности, хотя сопоставлять эти понятия и трудно. У каждого из них есть свои специфические формы выражения, перевоплощения жизненного материала, которые дают очень интересный результат.

Думаю, что событием, и не только для нашей республики, стал балет-оратория «Материнское поле». Это можно было предположить уже тогда, когда Калый Молдобасанов только проиграл музыку балета на фортепиано, когда еще не

ТЕАТР КРУГОЗОР

ЭПОС И ПЛАСТИКА

готова была оркестровая партитура. Появилась надежда, что рождается нечто новое. И действительно, работа пришла к своему финалу прежде всего благодаря музыке, глубокой психологически и эмоционально, почти зрительно красочной. Именно она дала основу для постановки интересного спектакля.

Что касается балета как жанра, то, конечно, это совершенно новый вид искусства, новая форма средств художественного выражения для киргизского театра, для киргизской культуры в целом. Я думаю, что наш киргизский балет развивался по правильному пути, соединив достижения европейского, русского балета с элементами национальными, что придает ему своеобразие. Это сугубо национальный киргизский балет и в то же время очень современный и общезначимый, где национальное нашло свое выражение в интернациональных формах.

В балете-оратории участвует еще слово, голос. И опять же этот новаторский подход оправдан, потому что хор в данном случае выражает эпическое начало. Голос народа, присутствие народа придают и эпичность и историчность этому произведению, наполняя его большим общественным смыслом и героикой.

Чингиз Айтматов продолжает свой комментарий на седьмой звуковой странице, где записаны фрагменты музыки балета и монолог Толгонай в исполнении народной артистки СССР Л. Добржанской.

Фото И. Дронова

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Как-то лет десять назад в новогодней передаче телевидение познакомило нас с другом: Гюли Чохели — Борис Рычков. Яркая певица и обладающий филигранной техникой пианист. А вскоре Гюли Чохели записала несколько моих песен для эстрадной радиопрограммы. Так мы познакомились.

Это творческое содружество продолжается и по сей день. Кульминацией его стала песня «Музыка», доставившая мне по «вине» певицы массу хлопот. Дело в том, что в то время я писал музыку к фильму «Любить». И «Музыка» была центральной песней, на мелодии которой

матическая певица с большим темпераментом и внутренней свободой. Она отлично чувствует себя в современных ритмах.

И еще одна немаловажная черта — уверенность в себе, идущая от того, что ей есть что сказать слушателю. И это хорошо. Мне кажется, современный исполнитель, выходя на эстраду, должен нести своему слушателю определенный эмоциональный заряд, информацию, продиктованную жизнью. Конечно же, уверенность в себе без сочетания с талантом и мастерством никому не нужна. Но Гюли Чохели счастливо соединяет и первое и второе.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ

Фото В. Вяткина

продиктовано жизнью

строилась вся оркестровая партитура картины. До выхода фильма она не должна была прозвучать. Но Гюли попросила разрешения спеть ее только один раз на международном фестивале в Сопоте. И я согласился. Выступление Чохели в Сопоте, как все помнят, было триумфальным, и песня «Музыка» сразу довольно широко распространилась. Так она не попала в фильм. Но на нашей дружбе с Чохели это, конечно, не отразилось.

Интересно вспомнить еще, что в юности Гюли собиралась стать пианисткой, хорошо знала и исполняла оперные партии. Правда, трудно представить, что это были партии колоратурного сопрано. Сейчас Чохели — дра-

ЗНАКОМСТВА

Две домры, малая и альтовая, да две балалайки, прима и бас,— вот и весь «Сказ» — недавно появившийся на эстраде квартет русских народных инструментов. Три года назад музыканты впервые отважились выступить квинтетом, а до этого аккомпанировали в ансамбле «Иван-да-Марья», исколесив с ним чуть ли не всю страну.

Почему же четыре музыканта — Валентина Соболева, Григорий Гарцман, Вадим Бубнов и Владимир Шулимов — выбрали для работы домру и балалайку? Именно для работы: задача, которую они поставили перед собой — пропагандировать широкие возможности истинно русских народных инструментов,— требует большого труда, терпения и мастерства.

Сочетание различных по стилю и жанру произведений в репертуаре говорит о выразительных и технических возможностях «Сказа»: Бах, Чайковский, Глазунов, Штраус, русская народная песня, музыка советских композиторов — А. Хачатуряна, Д. Шостаковича...

Как рождаются их музыкальные картинки?

Однажды в Перми, собравшись в гостиничном номере перед началом концерта, в сотый раз отработывали «Светит месяц». Не получалось самое начало, не могли найти первые такты. «Помогла» случайно задетая музыкальная игрушка «невалышка». Так появились четыре распевные ноты начала. Случайность? Да. Но соединенная с поиском, с талантом слышать.

Все участники «Сказа» — москвичи. Одаренные музыканты, самостоятельно делающие для своего квартета обработки и переложения

произведений. Они много думают, много спорят. И вновь и вновь радуют слушателей неповторимым звучанием русских народных инструментов.

Николай БУДАШКИН,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственных премий

На одиннадцатой звуковой странице — в исполнении ансамбля «Сказ» русские народные мелодии «Ходил, гулял добрый молодец», «Светит месяц» и «Скерцо» Баха.

Фото Б. Палатника

6 (147) июнь

1976 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Год основания —
1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1976 г.

На первой странице
обложки:
Труженики моря.
Рисунок художника
Т. Гнисюк.

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
23.04.1976 г.
Б 03943 Подл. к печ.
30.04.1976 г.
Формат 60×84¹/₁₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2174. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- 1. Командировка к звездам.** Рассказ об уникальном теле-скопе.
- 2. Невозможное — возможно.** История жизни-подвига одного из создателей синтетического каучука — Александра Жесткова.
- 3. Родина помнит.** К 35-летию героической обороны Бреста.
- 4. Солдатский экзамен.** Репортаж с войсковых учений.
- 5. Урок Сергея Герасимова.** На съемках телефильма «Красное и черное».
- 6. «Вольный стрелок»** Вебера в оценке Берлиоза.
- 7. Композитор К. Молдобасанов:** балет-оратория «Материнское поле».
- 8. Франко Тринкале** (Италия): песни протеста.
- 9. Музыка школьного бала.**
- 10. Поэт Гюли Чохели:** «Летний дождь» (К. Никольский), «Вальс любви» (З. Надаряна, Т. Цагурия).
- 11. Ансамбль «Сказ»:** «Ходил, гулял добрый молодец», «Скерцо» Баха и «Светит месяц».
- 12. Лиза Минелли** (США) в антифашистском кинофильме «Кабаре» (песни Дж. Кандера — Ф. Эбба).

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО.

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), А. Б. ДИХТЯРЬ,
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер)
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25, «Кругозор»

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

На нынешний музыкальный год падают целых три веберовских даты. Одна — ноябрьская — 190 лет со дня рождения композитора и две июньские — 150-летие со дня смерти и 155-летие премьеры «Вольного стрелка».

Эта, к сожалению, редко вспоминаемая опера входит в наше сознание вместе с третьей главой «Онегина», где упомянут «...разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц». Строчки были написаны в 1824 году в Михайловском, куда уже долетел отзвук триумфального шествия «Вольного стрелка». Вернее всего, Пушкин услышал эту музыку в Тригорском, где, возможно, она была играна А. И. Осиповой и ее дочерью на тишнеровском роялино.

В эпицентре же музыкального взрыва, в Берлине, где «Стрелок» был впервые представлен, творилось и в самом деле что-то невероятное. Величайшая романтическая опера, ее выстрелы, охотничьи трубы, шелест леса и, наконец, вытканые на этом сказочном фоне голоса нежной Агаты, мятущегося Макса, мрачного Каспара, чванливого Килиана — все это, казалось, было мгновенно подхвачено хором восторженной публики. Гейнц подмигивался: «Вы еще не слышали «Фрейшюца» Марии фон Вебера? Несчастный человек! Но слышали ли вы по крайней мере «Песню подружек» или «Девичий сон» из этой оперы? Нет? Счастливого человека! Шкельники спозаранку проносятся мимо моего окна, щебечут его. С ним подымается по лестнице мой брадобрей, прачка является «с тимьяном, миртом и лавандой...» и так далее». Гейнц, бывший на премьере, внимательно рассматривал триумфатора. «Маленькая фигура, — описывал он Вебера, — плохой пьедестал и длинное лицо без сколько-нибудь приятных черт. Но на этом лице легли широк развитая вдумчивая сосредоточенность, твердая уверенность и спокойная воля, с такой значительностью привлекательная нас в лицах старых немецких мастеров».

Эти качества Вебера удивительным образом сформировались в бурном жизненном потоке, который, казалось, мчал композитора с немалой скоростью. Дело не только в «перемене мест» — Вебер буквально изездил всю Центральную Европу и набросал даже очерк европейской «Музыкальной теории», а и в том, что творческая энергия его проявлялась в самых разнообразных сферах. Вебер — композитор, сочинивший десять опер, две симфонии, множество сочинений для фортепиано, среди которых знаменитое «Приглашение к танцу», почти сотню песен, вокальные

ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЕБЕРУ

ансамбли, театральную музыку. Вебер — пианист, певец, дирижер, который не только по-новому расположил музыкантов в оркестре, но впервые вышел к ним с дирижерской палочкой. Вебер — живописец и интереснейший писатель, оставивший фрагменты своего романа «Жизнь музыканта». Наконец, он основатель сообщества композиторов-романтиков «Гармонический союз», в котором сам носил условное имя — «Мелос». И значение этого веберовского, оригинального и симпатичного, по словам Чайковского, мелоса сразу же поняли титаны музыки, старшие и младшие соотечественники Вебера по ремеслу. Когда в октябре 1823 года Вебер посетил Бетховена, тот обнял его и сказал: «Ты молодец!» На прощание он поцеловал Вебера и прокричал: «Желаю счастья вашей новой опере! («Эвриante». — А. Г.) Если я смогу, — приду на премьеру!»

За несколько месяцев до кончины Вебер проехал в Лондон (там он умер) через Париж. Безвестный молодой человек по имени Гектор Берлиоз жаждал его увидеть. «Моя погояня, — рассказывал Берлиоз, — была тщетной. Утром в тот день Лесюэр мне сказал:

— У меня только что был Вебер!.. Он играл мне на рояле целые сцены из наших французских партитур. Он их все знает.

Несколько часов спустя я вошел в музыкальный магазин.

— Если бы только вы знали, кто здесь сейчас сидел!

— Кто?

— Вебер!

Придя в Оперу, я слышал, как повторяют в толпе:

— Вебер только что прошел через фойе... Он вошел в зал... Он в ложах бенеуара...

Я был в отчаянии, все было напрасно, никто не мог мне его показать, я так и не видел его...»

Много лет спустя Берлиоз сам поставил «Вольного стрелка», инструментовал «Приглашение к танцу», в этой оркестровке рондо исполняется и до сих пор. А в мемуарах он оставил взволнованный комментарий-репортаж из глубин веберовской оперы. Реконструкцию его вы услышите в «Кругозоре».

Артем ГАЛЬПЕРИН

На шестой звуковой странице — фрагменты «Вольного стрелка» в исполнении оркестра, хора и солистов Баварской национальной оперы под управлением Роберта Хегера. Агата — Биргитт Нильссон.

ЛИЗА МИНЕЛЛИ

12

МУЗЫКА ЭКРАНА

США

Когда режиссеру Джейму Хелли для нового фильма потребовалось найти человека, который бы знал буквально все о Голливуде и мог стать для зрителя своеобразным экскурсоводом по запутанному лабиринту киностудий, его выбор сразу остановился на Лизе Минелли.

Деистително, Лиза лучше, чем кто-либо другой, могла поведать и об ослепительном блеске звезд экрана и о глубоких тьмах титедиях, ежедневно разыгрывающихся за кулисами «фабрики снов». Она с двухлетнего возраста — на киностудии, где ее отец Винсент Минелли был известен как режиссер, а мать, знаменитая актриса и певица Джуди Гарланд, годами изнурительных круглосуточных съемок заработала глубокую депрессию и была выброшена на улицу. В 1969 году Джуди умерла, но компании продолжают наживаться на ее посмертной славе.

Лиза Минелли, видимо, извлекла уроки из трагической судьбы своей матери. В фильме «Это — развлечение» она говорит с экрана много горьких слов о тех событиях свидетельницей которых стала.

Лиза очень похожа на мать. Она тоже синтетическая актриса, сочетающая драматическое мастерство с большими музыкальными способностями. Как и мать, она великолепно танцует. И первый успех к ней пришел тоже до 20-летнего возраста. Более того, многие из ее первых записей — песни из репертуара Джуди Гарланд.

Но, пожалуй, наиболее крупное достижение Лизы Минелли — главная роль певицы варьете в кинофильме «Кабаре», представляющем собой сатиру на зарождающийся в предвоенной Германии фашизм. В исполняемых ею песнях звучит неприкрытая насмешка над «благополучным» буржуазным миром, который крутится вокруг денег и где во многие окна стучит голод.

М. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

Цена 1 руб. Индекс 70461